

²³ *Немиров Г. А.* Опыт описания истории... Вып. 6. С. 12—26.

²⁴ См.: *Любименко И. И.* Торговля в Петербурге // Петербург петровского времени. Л., 1948. С. 82—83.

²⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 570. Л. 109—112.

²⁶ Там же. Д. 556. Л. 100.

Н. Н. Репин

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КУПЦОВ-ЭКСПОРТЕРОВ С АРХАНГЕЛЬСКОМ И ПЕТЕРБУРГОМ В XVIII в.

Преимуществом связей купцов с рынком в России XVIII в., являющаяся важным элементом функционирования торгового капитала, привлекла определенное внимание отечественных историков. Что же касается продолжительности отношений купцов-экспортеров с внешнеторговыми центрами страны в широких хронологических рамках, то этот вопрос в исторической литературе не ставился, а если и затрагивался, то лишь в плане изучения коммерческих биографий отдельных представителей торгового мира России XVIII столетия.

Между тем в XVIII в. отчетливо выделяется период — с 1713 по 1762 г., когда резко усилилось государственное вмешательство в распределение грузопотоков по главному внешнеторговому направлению — между Петербургом и Архангельском, что отразилось и на переориентации торговых операций купцов-экспортеров с северного порта на столичный, особенно с 1722 г., когда Петербург стал главным центром торговли России со странами Запада¹.

В 1710 г., когда Архангельск еще монополизировал весь внешнеторговый оборот России с европейскими странами, с ним были связаны купцы из 59 городов. В 1764 г. в столичном и северном портах вели коммерческие операции жители из 72 городов, а число участников торговли за это время увеличилось с 672 до 1387 человек².

При этом из 59 городов, жители которых торговали в Архангельске в 1710 г., через полстолетия со столичным и северным портами были связаны купцы лишь из 43 городских центров (73%). К началу 60-х гг. XVIII в. прекратили коммерческие связи с ними жители Астрахани, Балахны, Городца, Дорогобужа, Козьмодемьянска, Лальска,

Лука, Любима, Ростова, Симбирска, Соли Камской, Старицы, Углича, Чердыни, Юрьевца-Поволжского. Торговля большей части купцов из этих городов была переориентирована на другие внешнеторговые направления.

Вместо них в Петербурге и Архангельске появились жители из 29 новых городов: Бежецка, Болхова, Боровска, Вельска, Великих Лук, Гжатска, Дмитрова, Касимова, Козельска, Курска, Ладоги, Мещовска, Мосальска, Мурома, Олонца, Одоева, Орла, Петербурга, Переяславля-Рязанского, Старой Руссы, Соли Галицкой, Слободского, Судислава, Тамбова, Торопца, Тулы, Устюжны Железопольской, Юрьева Польского, Цывильска. Обновление произошло, таким образом, прежде всего за счет городских центров Северо-Запада и центра европейской части России, тяготевших к столичному порту.

Труднее обстоит дело с определением персонального состава купцов, торговавших в Петербурге и Архангельске в начале 60-х гг. XVIII в., так как его можно выявить лишь по 23 городам (из 72), магистраты которых подали ведомости о «торгующих к портам» в Комиссию о коммерции в 1764 г.³ И все же эти данные позволяют раскрыть довольно достоверную, на мой взгляд, картину, так как жители этих городов составляли около половины общего состава экспортеров, торговавших в столичном и северном портах в начале 60-х гг., и концентрировали половину их экспортного товарооборота.

Сопоставление купеческих фамилий из этих городов за 1710 и 1764 гг. позволяет отметить, что преемственность их торговли была невелика и составила всего 11,5% — 71 из 617 купцов.

За это время совершенно обновился состав торговых людей из 9 городов: Арзамаса, Белева, Вятки, Коломны, Костромы, Новгорода Великого, Соли Вычегодской, Царевококшайска, Шуи. Однофамильцы из других городов были представлены так: по одной фамилии из Вязьмы (Веленины), Калуги (Торбаевы), Нижнего Новгорода (Пушниковы), Пскова (Трубинские), Холмогор (Пругавины); по два — из Каргополя (Прибытковы, Лыткины), Чебоксар (Кологривовы, Игумновы); по три — из Архангельска (Баженины, Крыловы, Пшеницыны), Ростова (Малыгины, Базаровы, Менкины), Твери (Арефьевы, Вагины, Пироговы); пять — из Ярославля (Волковы, Викулины, Гнзудевы, Крашениниковы, Парамоновы); по шесть — из Москвы (Ефремовы, Исаевы, Козмины, Макаровы, Семеновы, Турчаниновы) и Великого Устюга (Костелины, Протодяконовы, Протопоповы, Смольниковы, Усовы, Саблины).

Лишь вологжане являлись исключением: с Петербургом и Архангельском в 1764 г. были связаны 77 купцов, из которых 36 человек

(46%), входивших в 14 семейных объединений (Бовыкины, Исаевы, Колесовы, Конева, Кочергины, Митрополовы, Оконнишниковы, Поленины, Поповы, Рыбниковы, Свешниковы, Шапкины, Щелкиновы, Ягодниковы), торговали в северном порту в 1710 г. Причина столь продолжительных связей вологодских экспортеров с внешним рынком объясняется прежде всего выгодным географическим расположением Вологды, позволявшим жителям этого города с начала 20-х гг. XVIII в. сохранить первенство в торговле на Архангелогородской ярмарке, переориентировать значительную часть товарооборота на столичный порт и связать западное направление внешней торговли с восточным — с Китаем.

И все же преэминентность торговых отношений российских купцов с главным внешнеторговым направлением в XVIII в. в целом следует признать слабой. Одной из основных причин этого, как отмечалось выше, является переориентация торговли с Севера на Балтику, следствием чего стало вовлечение в связи с Западом жителей городов, тяготеющих к Петербургу, а также отвлечение многих купцов на другие направления внешней торговли.

Но было множество других причин, влиявших на обновление состава купцов-экспортеров. Мнения историков по этому вопросу отличались разнообразием и дифференцировались в зависимости от их оценки роли торговли и российских купцов в экономической жизни страны, а также оценки воздействия государства на товарно-денежные отношения в России XVIII в.

В дореволюционной историографии среди факторов, оказывавших негативное влияние на российское купечество, особое внимание обращалось на засилье в торговле иностранных коммерсантов, казны, широкое распространение подрядов и откупов, низкий профессиональный уровень отечественных торговцев.

Советские историки, в частности Н. И. Павленко и А. Н. Аксенов, наоборот, участие купцов в подрядах и откупах признавали фактором прочности, устойчивости купеческих фамилий, а в число причин их неустойчивости включили усиление налогового бремени, жесткую регламентацию торговли правительством, тяжесть многообразных служб, которые несли жители посадов; казенные монополии, пресечение купеческого рода со смертью его главы, одворянивание купцов⁴.

Подряды и откупа, приносившие определенную прибыль торговцам при удачном их завершении, нередко оканчивались их разорением, конфискацией имущества, пребыванием должников на правеже, отчего не были застрахованы и экспортеры. К тому же иностранные коммерсанты и в 60-х гг. XVIII в. считали участие последних

в предпринимательстве такого рода «камнем преткновения» в отношениях с ними, так как такой купец, по мнению иностранцев, «был ненадежен в своем добре и в своей претензии»⁵ из-за первоочередного взыскания долга казной перед другими кредиторами.

Было немало и других причин, приводивших к разорению купцов: злоупотребления местной администрации⁶, бесправное положение купечества в социальной структуре абсолютистского государства⁷, что вынуждало наиболее предприимчивых из них добиваться дворянского ранга в расширяющемся бюрократическом аппарате и на военной службе; стихийные бедствия и пожары, смерть предприимчивого главы торгового дома и другие.

Серьезное внимание на изменение состава экспортеров оказывали их отношения с иностранными коммерсантами. Европейские купцы, используя свое материальное, профессиональное, организационное превосходство, разобщенность русских контрагентов, стремились затормозить процесс формирования российского купечества⁸.

В этих условиях, казалось бы, должен был наступить спад во внешнеторговых связях с Западом. Этого, однако, не произошло. Более того, наблюдался обратный процесс: внешнеторговый оборот возрастал, увеличивался размер капитала в руках отечественных купцов, расширялся круг городов, жители которых вовлекались в связи с иностранцами.

Обновление состава участников внешней торговли осуществлялось за счет «новичков», размер капитала у которых превосходил объем оборотных средств тех, кто уступал им место, а определяющая роль в связях со странами Запада в течение столетия принадлежала «капиталистам» купцам, использовавшим для обогащения различные средства и обеспечивавшим поступательное развитие экономических отношений с ними, несмотря на обновление рядов отечественных экспортеров.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: 1) *Репин Н. Н.* Смена главного внешнеторгового направления России и торговля через Архангельск в XVIII в. Омск, 1984. — Деп. в ИНИОН АН СССР (№ 16730 от 16.05.1984); 2) От дискриминации к фритредерству: Правительственная регламентация торговли через Архангельск в 20—60-е гг. XVIII в. и ее результат // Архангельск в XVIII в. СПб., 1997. С. 228—249.

² *Репин Н. Н.* Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700—начале 60-х гг. XVIII в. Дис. ... докт. ист. наук. Омск, 1985. Табл. 67.

С. 595—612.

³ РГАДА. Ф. 397 (Комиссия о коммерции и о пошлинах). Оп. 1. Д. 445/1—445/69.

⁴ Павленко Н. И. Торгово-промышленная политика правительства в России в первой четверти XVIII в. // История СССР. 1978. № 3. С. 49—59; Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988.

⁵ Клингшитт Т. План о приведении российской торговли в лучшее состояние. 1765 // ЧОИДР. 1863. Апрель—июнь. Смес. С. 52.

⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 133—135.

⁷ Дворяне купцов «ни во что не ставят и гнушаются ими и обидят напрасно: бывало на грош все купечество променяют» (*Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 123; «Последний подьячий лутчаго купца хуже себя ставит», «знатного господина холоп перед лутчим купцом великим господином себя почитает и кажется, будто бы все чины единомудушно согласились сей чин унижать и разорять» (РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 29. Л. 36об.—37).

⁸ См.: Ретин Н. Н. 1) Русские и западноевропейские купцы в России XVII—XVIII вв. (К вопросу о периодизации борьбы за рынок) // Торговля, промышленность и город в России XVII—начала XIX в.: Сб. ст. М., 1987. С. 51—67; 2) Торговля России с европейскими странами на отечественных судах (конец XVII—середина 60-х гг. XVIII в.) // Изв. 1985. Т. 112. С. 165—168.

Е. В. Комлева

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КРАСНОЯРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Последняя четверть XVIII в. была особым этапом в развитии российского государства. Реформы 1770—1780-х гг. на долгое время определили направление правительственной политики по отношению к различным слоям общества, одним из которых было купечество. Вызванное гильдейской реформой 1775 г. численное сокращение купеческих рядов сопровождалось крайней неустойчивостью социального положения оставшихся в гильдиях людей. Как в центральной России, так и в Сибири лишь очень небольшому числу купеческих семей удавалось сохранить свой социальный статус несколько десятилетий кря-

ду. На примере Красноярска, который в течение рассматриваемого периода входил то в Тобольскую губернию, то в Кольванское наместничество, рассмотрим, как именно протекал процесс обновления состава купцов в средних городах Сибири.

Некоторые вопросы, связанные с изменением численности красноярского купечества, пополнением его состава, преемственностью купеческих капиталов, рассматривались в работах Г. Ф. Быкони и В. Н. Разгона. Г. Ф. Быконя выделил в ходе формирования торгово-промышленного ядра Красноярска в XVIII в. два периода: до 1760-х гг., когда основную роль в этом процессе играли пришлые люди и ссыльные из других российских и сибирских городов, и с 1760-х гг. вплоть до конца XVIII в., когда произошел рост внутренних источников пополнения посада¹.

На основе анализа большого массива источников В. Н. Разгон подробно проследил изменение численности сибирского купечества в последней четверти XVIII в., когда из-за многократного повышения гильдейских сборов происходило сокращение количества объявляемых капиталов практически во всех городах Сибири. Кроме того, он показал, насколько нестабильным оставалось материальное положение сибирских купцов, большинство которых быстро разорялось и попадало в разряд мещанства. В свою очередь, торгово-промышленное мещанство было основным источником пополнения сибирского купечества².

Однако в силу сформулированной темы исследование В. Н. Разгона имеет обобщающий характер, оставляя поле деятельности для более детального анализа развития купечества именно Красноярска. Кроме того, имеющиеся в нашем распоряжении данные несколько расходятся с цифрами, приведенными в своей монографии В. Н. Разгоном.

Более детально изучить процесс социальной мобильности красноярского купечества в последней четверти XVIII в. позволяют документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Красноярского края: списки купцов за разные годы, а также материалы V ревизии (1795 г.).

До последней четверти XVIII в. численность красноярского купечества постоянно увеличивалась и к середине 1760-х гг. достигла 1767 душ обоего пола. В то время по количеству записанных в купечество людей Красноярск из всех сибирских городов уступал лишь Енисейску, Тобольску и Томску. Другое дело, что в состав местного купечества входили самые разные люди, зачастую далекие от торгово-промышленной деятельности. Так, по данным Комиссии о коммерции, из 1767 человек, числившихся в 1764 г. в красноярском купечестве, только 108 имели реальное отношение к торговле³.